

1

В ноябре Насте пришла по сети фотография от некой Юлечки Саврухиной, где эта же Юлечка и Саша стоят вдвоём около кафе. Через минуту добавилась строчка: «Ой, извини, не тебе».

Сашины глаза с фотографии смотрели совершенно глупо. Неловко и боязливо обхватывал он рукой чужую женскую талию, отчего вся его щуплая фигура казалась ещё более жалкой.

С Юлечкой Настя была знакома – только и всего, да ещё слышала несколько историй про то, как «эта стерва уводила чужих парней». Только теперь на месте тех парней стоял её Саша. Она была уверена – изменил. Тут же представилось, как в кафе Саша с Юлечкой пили, танцевали, она обвивала его змеёй, искусно заигрывала, шептала, что пьяна и слабо стоит. А ночью они сели в припаркованную у кафе Сашину «девятку», на которой он ещё до армии учил Настю водить, – и переспали на заднем сиденье. Затем он проводил её пешком до дома, так как пьяным за руль никогда не садится, и направился к себе, до утра оставив машину на другом конце города.

Настя импульсивно набрала Сашин номер.

– Что это за фотография? – был её первый вопрос, от которого она сама вздрогнула.

– Фотография? – спросил Саша, занятый в гараже наладкой дальнего света на своей машине.

Настя тут же пожалела, что позвонила спонтанно, не продумав, с какой стороны подступить:

– Ты мне изменил, да?

Своими уколами и обвинениями Настя играла с ним в прятки, не говоря прямо, что же произошло.

– Настя, блин, чё ты начинаешь, да не было ничё! – закричал Саша уверенно, басисто, поняв, о чём идёт речь. Он подошёл к самому выходу из гаража. Железные с синей, уже кое-где отпадающей краской двери были закрыты им на засов.

– Даа? А чего ты её обнимал тогда? – продолжала Настя. Машинально щёлкая мышкой, она то сворачивала окно с фотографией, то опять раскрывала.

Её голос становился тише. Саша вытянул задвижку из пазов, и, отпущенные, двери легко подались вперёд. Его окатило свежестью.

– Блин, Настя, не было у меня ничего с этой козой. Она с Диманом встречается. Хочешь? Хочешь, у неё спроси-позвони. Или у Димана.

Настя завершила вызов, не дослушав до конца, и тут же занесла его номер в чёрный список; обхватила колени и еле заметно закачалась вперёд-назад, от обиды произнося вслух самые чёрные ругательства, которые только приходили на ум.

Она ничего не поменяла в своей жизни: не остригла волосы, не увязла с однокурсницами в клубе. Не выпила и не закурила, так как никогда не курила и никогда особенно не выпивала. Вечерами так же полчаса тщательно расчёсывала длинные светло-русые волосы, сидя на кровати и скрестив ноги; так же готовила себе с утра кашу, не доедала её, оставляя пару ложек в тарелке. Она не перестала ежедневно гладить свои блузки и юбки, посещать все пары в университете, медленно, но аккуратно делать домашние задания, советуясь с Пашей и Ромой из соседней комнаты. Да и в мирке, где она обитала, казалось, всё осталось на прежних местах. Всё так же с утра, выходя из общежития, она встречала дворника в оранжевой безрукавке, посыпающего дорогу крупным порошком из пластмассового ведра. И так же по вечерам на первом этаже в будке сидела комендантша в своей коричневого оттенка кофточке со странными узорами. Но в голове всё гремело, гудело и пищало одним словом: «Саша!» И эти крики она приглушала фантазиями: Саша приедет в Петербург, с вокзала прямиком направится в университет, вбежит в её лекционную аудиторию и, встав на колени, романтической и громкой тирадой попросит при всех прощения.

Через неделю Настю потянуло домой. В город, где она провела своё детство и где впервые они поцеловались, кружась в танце на новогодней дискотеке. А потом уже ссорились, гуляли, колесили по центру и выезжали за город, к опушке перед заброшенной стройкой. Полтора года у них было до того, как Насте пришло время уезжать за высшим образованием, а Саше – идти в армию. Вернувшись из армии, он не поехал к ней, остался тут: затянуло в тёплое родное гнездо. Вечерами возвращался с рабочей смены домой и ещё полчаса стоял у своего подъезда, перекидываясь мелкими новостями по телефону с Настей. А она приезжала домой раз в месяц, жадно впитывала первые часы от желанных встреч, на несколько таких же часов уходила затем в скучающее разочарование, как будто объевшись чем-то сытным, и, прощаясь через два дня на платформе, снова испытывала так некстати внезапный голод.

И вот теперь, сев в поезд, на котором уже десятки раз ездила в родной город, Настя впервые почувствовала готовность поверить в Сашину верность. Может, ничего серьёзного тогда в кафе и правда не было. И начала жалеть, что погорячилась, что только потрепала всем нервы зря.

Напротив Насти в купейном отделе сидела женщина с двумя детьми, а на краю её спального места, в застёгнутой куртке, по-видимому, провожающий муж. Женщина по-хозяйски вытаскивала из сумки вещи; девочка лет девяти раскрашивала что-то в своей тетради; а мальчик, ещё дошкольник, сидел, тарабаня не достающими до пола ногами по кожаной полке.

Зашедшая с улицы проводница быстрой и твёрдой походкой прошла вдоль вагона и объявила: «Провожачие, на выход».

– Ну, всё, я пошёл, – громко сказал мужчина.

Заметив, что отец уходит, мальчик приготовился зареветь. У мужчины в глазах мелькнуло раздражение. Нехотя он остановился.

– Так, а мультики смотреть? Заплачешь – они обидятся и уйдут, – тут же нашлась мама, не взглянув на мужа.

– Всё, звоните там, как приедете, – сказал тот напоследок и ушёл.

Все семьи похожи друг на друга – неизбежное несчастье. А хотела бы она такую семью с Сашей? Почему-то чудилось, что у них есть шанс жить не так, а по-хорошему. Например, через пару лет, когда Саша повзрослеет, встанет на ноги, забудет мальчишеские развлечения: нескончаемую чинку «девятки», на запчасти которой уходят все деньги; пиво с друзьями, большинство из которых, она знала, скользкие и хитрые, а он, дурак, не замечает – попробуй заикнись, что Коля, его двоюродный брат, на день рождения к нему всегда с пустыми руками приходит, а Миша зовёт только тогда, когда нужна его машина, а на бензин не сбрасывается. «Настя, блин, ни фига не знаешь, чё начинаешь тогда?» – обозлится Саша в ответ – вот и весь разговор.

Ведь и правда он не понимал многих вещей. Уличные пацаны у него были хорошие, а богатые и успешные люди – плохие; а всё, что нужно достичь в жизни – это купить машину, свой дом и завести семью. Всё. Настя и раньше сомневалась, а он ли тот её единственный и на всю жизнь, но при этом знала, что любит. За не избалованный женской заботой характер, безыскусность и простое мужское слово. Когда она, как обычно во всём сомневаясь, спрашивала у него по всякой мелочи: брать ли зонт, если за окном маленькие тучки, или что выбрать – яблоки или апельсины, а он немедля отвечал: «Бери зонт, покупай апельсины», внутри у неё щекотало от удовольствия. Он хотя бы знал, чего хотел, а Настя до

сих пор мучилась от собственной неясности и бесплодного поиска.

На вокзале её ждал отец.

– Как дела у тебя, здоровье? – спросил он, забирая сумки.

– Дела хорошо, здоровье тоже нормально.

Отец знал, что они с Сашей встречаются, но ничего более. Ему было достаточно. Пару раз, когда Настя приезжала погостить, а Саша оставался у них на ночь, в её комнате – отец догадывался – на одной кровати, и, несмотря на это, следил за тем, чтобы гостю была поставлена кушетка. Но, как только выключался свет и закрывалась дверь, гость, скрипя половицами и шурша одеялом, перебирался близко-близко к его ребёнку.

Мама встретила Настю на пороге, поцеловав в щеку, но не обняв: «Руки мокрые», и почему-то улыбнулась. Настя прошла с вещами к себе. На углу её кровати был положен чистый, сложенный аккуратной горкой комплект синего с жёлтыми розами белья. Вещи на тех же местах, что и в прошлый приезд. Только на подоконнике в горшке из-под фиалки рос плющ. Эта фиалка стояла на одном и том же месте не менее шести лет. Настя купила её на базаре, всю в тёмно-лиловом цвете, в том же самом зелёном глиняном горшке; поливала, подкармливала и чистила под ней чайное блюдце.

– Мам, а где моя фиалка? – прокричала Настя из комнаты и направилась на кухню, где мама заканчивала готовить овощное рагу.

– Фиалка? Так она старая уже была. Только зацветёт – тут же опадёт, – опять будто не к месту улыбнулась. – Хозяйка уехала от неё, вот она и разболелась.

– Старая фиалка-то была, Настя, – услышав разговор, зашёл на кухню папа. – Вот, фрукты ешь свежие, мама для тебя порезала, – сел он на стул, и видно было, что

хотел взять кусок яблока, но отвернулся, как будто вспомнил, что не помыл руки. Настя это заметила и не в первый раз почувствовала, что отца дома не жалуют. Откуда-то у неё давно взялась мысль, что он любил бы всем сердцем мать, если бы не её чопорность, которая однажды превратила искренность отца в задавленное раздражение. Настя взглянула на мать: выпрямив спину, та чистила плиту, как и всегда сразу же после готовки. Ещё собираясь домой, Настя предвкушала разговор с ней о Саше, ожидала услышать от неё слова, разрешающие любые проблемы, позабыв, что уже прошло время, когда она оставалась довольной её советом.

По телефону позвонили – оказалось, Аня, старшая сестра Насти. Несмотря на то, что живут почти в соседних домах, они около получаса разговаривали с мамой по телефону, обсуждая все прелести и неприятности, связанные с Аниной беременностью. И изжога от фруктов, и боль в пояснице, и аллергия на зелёный чай, и имя Марина, которое дадут ребёнку, – всё это со свежим интересом переваривалось, наверно, сотый раз.

Мать гордилась и безусловно принимала всё, что было в Ане. Она гордилась её замужеством, её беременностью, её женским цветением. Настя сама пленялась тем лёгким женским разумом, что рождением был заложен в старшей сестре, который в один день можно было счесть за поверхностность, а в другой – за мудрость самой природы. Настя могла бы посоветоваться по поводу Саши с Аней, но знала, что та вместо советов будет ставить в пример своего мужа. И это было не то, что Настя хотела услышать.

– Пап, магнитола-то купил? Ты новую хотел, – спросила она отца, пока мать была занята разговором.

– Чего? А-а-а, не. – Он помолчал некоторое время. – Денег пока нет. А ты чего перед сессией-то приехала?

– Мне и к родителям приехать нельзя?

– Да ла-адно, всегда рады тебе, конечно. Смотри только, чтоб не выгнали. На репетиторов сколько денег ведь ушло, помнишь?

Настя вздохнула, ответила «ладно» и вышла из кухни. Ей было досадно за отца, который боится всего мира, потому что боится мать, – так она это видела. И злоба, и жалость к нему сплетались в ней в одно целое. Злоба за слабость отца, за перелом, без которого она его и не знала. А жалость за то, что будут хоронить его когда-то и тогда всем вдруг станет видно это уродство. Но поздно уже что-то менять, да и возможно ли было раньше?

Настя вернулась в комнату. Мамин плющ раздражал глаза. Будто оберег от чужих, а именно от неё, дочери, прогонял Настю прочь из комнаты. И тут же неврущее сердце дрогнуло внутри: никого роднее, чем Саша, у неё нет. Тёплого, простого и главное – любящего. «Я прогуляться», – сказала она родителям. «Пусть проводит до дома, а то темно уже», – вслед крикнула мама, догадавшись, куда направилась дочь.

Открыла дверь Анна Петровна, тётя Саши, удивлённая и, видно, не готовая к гостям. Слова «О, Настенька, проходи» были сказаны почему-то слегка испуганно, и Настя уже пожалела, что пришла.

Саша подбежал тут же, шагнул в подъезд и встал как вкопанный. Нет, всё-таки не зря – ёкнуло у Насти внутри.

Он молчал. Недовольство вновь начало нарастать в ней.

– Я ухожу.

– Прости, прости, – осторожно подошёл он ближе, обнял и стал гладить рукой по спине, целуя шею и лицо. У Насти затряслись губы. – Хочешь, домой зайдём?

Она нахмурилась и покачала головой. Несколько минут стояли обнявшись. Затем потихоньку, слово за слово, дошли до болевой точки.

– Всё, звоню сейчас этой козе. – И действительно, Саша достал мобильник из кармана трико и начал звонить.

– Алло, – услышала Настя Юлечкины слова по громкой связи.

– Юля, скажи, что было тем вечером в кафе? – Голос Саши дрожал, он боялся её. – Кроме того, что мы танцевали? Говори!

Ещё не услышав ответ, по этой дрожи Настя поняла – Саша её, полностью.

– Чего-о? Чё ты несёшь? – спрашивала Юлечка, пытаюсь быть грубой и нервно посмеиваясь.

Саша начал материться.

– Не кричи на меня! Я и не стала бы с тобой! – взвизгнула она и бросила трубку.

2

После этой ссоры, которая только сблизила их, уже не представлялось возможным жить в разных городах. И Саша переехал в Питер, поселившись у Насти в общежитии. С комендантом договорились на шесть тысяч рублей в месяц – в три раза дешевле, чем съёмная квартира. Тут он сразу поступил на заочное отделение в малоизвестный технический институт – Настя настояла; дома он, конечно, успел окончить техникум, но, пощёлкав объявления в хэдхантере, они поняли, что для работы в Питере вуз рано или поздно заканчивать придётся.

Сашу сложно было назвать глупым или умным, простым или сложным. Но ни разу по-мюнхгаузеновски он не пробовал вытащить себя из болота за волосы: не хватало то ли воли, то ли уверенности. До шести лет он жил в деревне, неподалеку от Настиного города, с матерью и отцом. А потом случилось несчастье: родители погибли в аварии. Сашу забрала к себе сестра покойной матери, его тётя, Анна Петровна, живущая в городе

и воспитывающая уже своих дочку и сына, почти ровесников Саши.

Анна Петровна гордилась тем, что вырастила троих детей не наркоманами и не убийцами. Также дала каждому образование: дочь получила высшее, мальчишки – среднее профессиональное. Ни одного упрёка она племяннику не высказала, но Саша чувствовал на себе этот долг, бессознательно, не задумываясь о нем. Дядину машину почти всегда чинил он, а не брат Коля; ездил с поручениями чаще тоже он, и с заданиями обращались в первую очередь к нему. Саша и вырос работящим, безответным, вечно кому-то чего-то должным и всем помогающим.

Но тяжёлое детство не сделало его сильным и выносливым, наоборот. И вот, переехав в Питер, Саша уже больше трёх месяцев не мог найти работу – большой город съедал его. Он чувствовал себя здесь никем. Целыми днями проводил время в интернете за поиском запчастей для своей «девятки», а заодно и для системного блока от компьютера, который, по его мнению, дешевле было собрать, чем купить новый. На тех двух собеседованиях, которые он посетил, ему казалось, что на него даже смотрели презрительно. А он глупо улыбался им и ненавидел себя за это. Накопления иссякали, на работу не брали, а тут ещё брат с женой приехали в Питер отметить годовщину своей свадьбы и в гости вечером придут... Денег, понятно, станет ещё меньше. Но внутри что-то щекотало в предчувствии веселья, музыки и алкоголя. И не мог он сегодня думать о работе – настолько солнечное было настроение, впервые, может, за все эти три месяца. Так же, как и не мог он сказать Насте про клуб заранее, рассчитывая, что под напором Коли с Катей она сдастся и отпустит его как-то легче.

Настя вернулась из университета и, переодевшись, тут же принялась мыть купленные по дороге фрукты, тщательно

но натирая их с мылом и подолгу споласкивая. Между делом задала Саше ожидаемый рядовой вопрос про успехи и получила ожидаемый ответ, что всё глухо.

– Ну, Саша, за всё это время ты только на четыре собеседования ходил.

– А я-то чё сделаю, чё ты от меня хочешь-то? Я, что ли, себя нанимаю? – Саша понимал, что он как раз таки причем, но не хотел с этим мириться.

– Вот ты меня не слушаешь, – пересыпая с доски на тарелку разрезанные на куски яблоки, спокойно, но вкрадчиво продолжала она, – отправляй своё резюме сам, не жди, что тебя кто-то найдёт на сайте.

– Да понял, понял, – сказал Саша, внутренне подчиняясь её словам.

– Я вот сейчас сходила в магазин, и почти тысяча ушла, – повернулась Настя в его сторону, – на карточке пять, а до стипендии еще две недели.

– У меня пятнадцать где-то на карточке осталось, – сказал Саша, прибавив к имеющимся три тысячи.

– Нам ненадолго хватит этого. Скажи Коле, пусть по пути в магазин зайдут и купят к чаю сами!

Настя вытащила из холодильника козинаки, причитая вслух и зная, что Саша ни в жизнь не позвонит и не попросит брата что-нибудь купить.

Подъехали Коля с женой. Настя спустилась вниз, чтобы провести их через коменданта. Катя, рыжеватая, угловатая от природы девушка, задиристо и лукаво улыбнулась, затем слегка чмокнула Настину щеку. От завитых, гладко убранных волос пахло дешёвым лаком. Настя посмотрела на её туфли: сиреневые на шпильке – для апрельской погоды слишком лёгкая обувь. С Колей поздоровалась бегло. На нём была обычная чёрная куртка, которая так похожа на тысячу других чёрных мужских курток. Он спросил:

– Как жизнь?

– Хорошо, с праздничком вас, – игриво ответила Настя.

Катя искренне поддержала этот тон и начала рассказывать про сюрприз, сделанный Колей на годовщину, – поездку в Питер, про шикарный отель, где они остановились на две ночи: какие там занавески, сколько телевизоров и как включается душ. Добавила, что ходила в часовню к Ксении Петербуржской и что тот, кто живет в Питере, должен каждый выходной туда ездить. Насте хотелось ответить на эту шпильку язвительным замечанием, но она не умела и терялась. «Туда и так полгорода ездит каждые выходные и куча иногородних», – лишь сказала она. Более того, Настя догадывалась, что Катина религиозность основана лишь на желании угодить свекрови: Анна Петровна верила в особую силу свечек из часовни и не признавала местных. Пару раз с поручением купить несколько штук приходилось ездить и Насте.

Коля тем временем молчал. Но только зашли в комнату, как он вытащил из-за пазухи бутылку водки и улыбнулся во весь рот. Настя взглянула на Сашино повеселевшее лицо и поняла, что просто так всё не закончится: Сашу как всегда споят.

Ужин был уже готов: четыре тарелки почти вплотную друг к другу по краям небольшого квадратного стола, в них по вилке, а по центру закопчённая кастрюля с куриным рагу и широкое блюдо с незаправленным овощным салатом. Теперь ещё и водка с краю, а к водке еле вместили мутные стеклянные фужеры и коробку сока девочкам для разбавления алкоголя. Коля сел по-хозяйски: расположившись на одной табуретке, будто занял собою всё пространство. Катя положила еду и себе, и мужу, отбрав ему побольше курицы.

– Ну, что же, ребят, за вас! – выставил вперёд свой фужер Саша. – Любите друг друга, детей рожайте и,

в общем, чтоб всё как у людей! – подмигнул он, чокаясь. Коля с Катей чуть привстали и снова сели.

– Да, главное, чтоб навсегда, – добавила Настя, стараясь играть в веселое застолье. – Ну, у вас и будет навсегда, я не сомневаюсь.

Катя по-матерински, будто хвалят её сына, смотрела на Колю, принимая его обычную холодность. Он уже научился получать её любовь – в этом и была его любовь сейчас, такая же зависимая, как и у Кати, но по-другому, наизнанку.

Ели, пили, хвалили стол, алкоголь. Катя рассказывала новости про общих знакомых: Маша Тагарина, когда-то звезда их школы, родила в октябре, но не замужем – говорит, ребенок от певца, который с Москвы приезжал, но мало кто верит – по срокам не сходится. У Женьки, на хате которого часто отдыхали, отец умер, инсульт, молодой ещё, лет пятьдесят.

– Батя дома полы меняет, паркет класть хотят, – сказал Коля, – тебя вспоминают, говорят, жаль, ты в Питере, помог бы. Мать обратно зовет.

Саша хихикнул по-доброму.

Настя разозлилась. Она видела ту ниточку, за которую её Саша был привязан к дому и за которую его дергали.

– А ты, Коль, не помогаешь, что ли? – попыталась упрекнуть она.

– Поможешь тут – двенадцать часов как негр пашу, с этими коробками по лестницам туда и обратно.

– Он правда очень устает, мне его так жалко. Уже спать пора, а он всё разгружает, – убеждала Катя, вытягивая вперед шею. – Кстати, у меня ведь шоколадка есть! – неожиданно добавила она, хватаясь за свою сумку. Настя взглянула – ногти у неё были под цвет туфель, сиреневые. И тут только вдруг щёлкнуло в голове: Катя с Колей собрались сегодня в клуб и потащат их вместе с собой.

В течение следующего часа Настя сидела с кислым лицом. Саша же решил не принимать всерьёз изменчивость настроения и, не отвлекаясь надолго от фужера, тормозил её шутками. Почувствовав опьянение, он пересел на кровать, где уже на другой половине Катя расположилась на коленях у мужа, одной рукой обхватив его шею, а другой – удерживая бокал с разбавленной соком водкой.

– Насть, иди к нам, – позвала Катя.

– Да, ко мне на коленочки, – сказал Саша, будто всерьёз веря, что она сейчас засмеется, подойдёт, обнимет его, поцелует. Настя принялась мыть тарелки. Катя тут же начала всех собирать и говорить, что пора уже выходить, а то закроется метро; ещё раз спросила у Насти и услышала от неё тихое «идите, я остаюсь». Потом к ней подошёл Саша и крепко обнял сзади, зажав её локти. Настя поставила недомытую тарелку в раковину: «Отпусти, у меня голова болит». – «Так давай выпьешь, у тебя голова пройдет». – «Коль, забери Сашу и проследи, пожалуйста, чтобы ничего не случилось», – сделала она акцент на «пожалуйста».

Коля встал с кровати:

– Санёк, давай собирайся.

– Э-э-эх, – отпустил Саша руки и направился к выходу.

Как только все вышли, Настя отошла от раковины и села на кровать, разрешив себе поплакать, чтобы успокоиться. «Мать обратно зовёт, – пробормотала она. – Конечно, зовёт, а он и рад!»

Поднявшись, она начала сердито выливать из фужеров недопитый алкоголь. Ей противна была вся эта посуда, будто её вылизывали уличные собаки. Хотелось разбить всю вдребезги или выбросить из окна, только бы не оставлять на своей кухне.

Она вспомнила тот самый тяжёлый период в их жизни, когда чьей-то неведомой властью покатило их ещё

хрупкое счастье в пропасть. В сентябре, через пару месяцев после Настиного выпускного, Сашу определили служить в Дагестан. Хотя это место не было опасным, тётя взяла дело в свои руки, не слушая племянника, ещё глупого, неразумного, и отписала президенту: «Мальчик-сирота, родители погибли, когда ему было шесть лет. Прошу войти в положение и перенаправить Александра Макарова в безопасное место, поближе к дому...» Толком прослужить Саша не успел – только выдали форму и побрили голову, только сдружился он с двумя пацанами из глубинки, как письмо Анны Петровны дошло, хоть и не до адресата, но дело своё сделало: распоряжение по Александру Макарову поступило в часть. Майор с вмятиной на черепе приказал вернуть пограничную форму, бросил на армейца разочарованный взгляд и устало сказал «Свободен».

Направили в Великий Новгород, менее ста километров от дома, а оказался на чужбине. Переживал ещё долго тяжесть, нависшую между ним и сослуживцами – странными, непонятными ребятами, будто причастными к какому-то тайному знанию. Он просто не разделил с ними первый месяц учебки, а чудилось, что прохлопал важный обряд посвящения. Все знали, почему он здесь, а главное – он знал, что виноват, что выходит трусом. И сразу всё пошло наперекосяк. Каждый день он просыпался и засыпал ребёнком, которого мать бросила вдали от дома с чужими людьми. Ему казалось, что он самый ущербный, недоделанный и одинокий среди роты таких же русских ребят. Правда, был один похуже, из соседнего взвода, но тот совсем больной. Мог дать рёву при всех в столовой или на построениях, будто первоклассник, поэтому мало кто опускался до придирок к нему. Но спал тот почему-то крепко. Саша вёл себя самостоятельно и по-мужски, на него и не нападали. Но война шла у

него внутри: огромная, незаполненная дыра открылась перед ним впервые после смерти родителей, от ужасной пустоты которой он не мог отвести свой взгляд.

«Обратись к психологу, у вас же там есть», – повторяла Настя ему каждую неделю, плача вместе с ним. «Нет, засмеют», – повторял вслед Саша. Пока не начались слуховые галлюцинации. Тут же приехала Анна Петровна, пошли врачи, таблетки и беспокойные взгляды в части, и наконец его отправили домой за два месяца до дембеля. И только тогда он в ужасе осознал, что дожал себя до психической болезни.

«Как прочтёшь всю, так и выздоровеешь», – сказала ему Настя, положив на больничную койку новенькую, с красочной обложкой книгу «Сказки Андерсена», сама не ожидая, что через полтора месяца, когда дойдёт до последней страницы, его выпишут из психоневрологического диспансера. И нескончаемый годовой ад начнёт его отпускать...

Настя нехотя, еле-еле окончила все дела и легла спать. Проснувшись внезапно через три часа, в середине ночи, она поняла, что Саши до сих пор нет. Трубку он не брал, потом номер стал недоступен. Она позвонила Коле – тот сказал, что отправил Сашу на такси и скоро тот уже должен подъехать. «Брат называется! Как всегда, бросил!» Настя нервничала, постоянно заглядывала в окно: на весь двор горело только два фонаря, проезжали машины, светя фарами, но ни одна не останавливалась. Вдруг всё же одна подъехала к подъезду общежития, без шашечек, и вскоре тронулась. Выходил ли кто из неё – не было видно. Прошло уже минут десять, но ничьих шагов не раздавалось в коридоре. Значит, не он – только подумала Настя, как на мобильный позвонила комендант: «Настя? Твой пьяный тут на лестнице валяется. Давай забирай его мигом, иначе выселю обоих».

Пока спускалась, оглядывалась вокруг – вдруг знакомые? У будки коменданта стояла скамейка, на которой и лежал Саша, скрюченный, со сложенными под головой руками. Настя позвала его, подошла ближе, чуть тише снова назвала по имени, под села рядом, затеребила по плечу. Саша в ответ замычал.

Вдруг она почувствовала, что сзади кто-то смотрит на неё. Обернулась и покраснела, увидев однокурсника Диму.

– Помочь? – спросил он, не скрывая презрения.

– Нет, спасибо, всё нормально, – ответила Настя, пряча от него взгляд.

Дима вздохнул, тут же наклонился к Саше, обвинил его руку вокруг своей шеи и повел наверх по лестнице.

– Может, мне тоже? – спросила Настя, неловко пытаюсь поддержать вторую Сашину руку.

– Нет, сзади иди, тут уже ничем не поможешь, – ответил Дима, и Настя заметила, что ей приятен этот приказной тон.

Она поднималась и смотрела на Сашины ноги, которые раз за разом делали вынужденные и слабые шаги. Он бормотал что-то про себя. Какую-то фразу повторил несколько раз. Настя прислушалась: «Зачем подниматься по эскалатору, если он сам едет?»

«По эскалатору! Ещё выговорил», – со злостью подумала Настя.

Положив Сашу на кровать, Дима сказал номер своей комнаты «на всякий случай» и ушёл. Настя не смогла даже выжать из себя «спасибо», ей было стыдно. Нужно было раздеть этого пьяного человека, почти без сознания лежащего на кровати. Мокрые ботинки почистила от песка, поставила на батарею; чёрная куртка чистая, без дыр – повесила в прихожую; всё остальное до трусов – в корзину для белья. И такая беспросветность накрыла её, что его

футболка, которую она сняла последней, стала для неё неподъёмной гирей. Отвернувшись, Настя легла на вторую кровать и накрыла голову подушкой, чтобы не слышать пьяное дыхание. Она выметала, словно веником, из своей головы всю эту реальность, в которую по какой-то ужасной ошибке была втянута. Она ведь умная, красивая и добрая, за что ей эта ноша – Саша? Невыметенным остался только Дима, такой красивый и мужественный. Особенно её увлекали его зелёные глаза – как у Саши.

Но ярче – подумала она – будто подкрашенные зелёной акварелью.

3

Заиграла первая майская жара, и первый росток от посеянного семени взошёл вскоре. Можно сказать: совпали обстоятельства, а можно – где тонко, там и рвётся. Сначала здоровались, потом переглядывались на лекциях на шутки преподавателя, улыбаясь не шуткам, а друг другу.

В конце лекции по матанализу староста курса Таня Коновалова вышла к доске и попросила задержаться ненадолго:

– Ребята, есть возможность летом поехать в студенческий лагерь, в Анапу, на две недели. Вы оплачиваете только билеты на самолет или на поезд – как хотите, всё остальное – бесплатно. Для подачи заявления обращаться к секретарю.

Аудитория радостно зашумела. Невзначай Настя повернулась в сторону Димы, сидящего на четыре ряда выше, и вздрогнула, тут же встретив его взгляд. Глазами он указал на Таню – мол, поедешь? Настя пожала плечами – он ответил недовольной гримасой; она покачала головой, будто сомневаясь, – он кивнул. Настя ещё не чувствовала опасности, до которой могут довести эти взгляды. Ей по-детски радостно было, и, уже забыв вкус

сладкого, она считала себя заслуживающей нежное безобидное пирожное. Она вышла из аудитории, зная, что он смотрит ей вслед, и улыбалась вновь нахлынувшему чувству давно позабытой девичьей влюбленности.

Загасить искорку можно было ещё тогда, но жаль терять слабый огонёк, от которого тепло, не замечая уже потом, что с каждым подброшенным сучком становится всё жарче. Огонь растёт и множит силу, и вдруг ты понимаешь, что потушить его нечем и остаётся лишь ждать, пока всё не прогорит.

В тот день после занятий Настя пришла в свою пустую комнату и села за учёбу. Солнечное настроение дарило безмятежность, но не давало сил работать. И, когда вернулся домой Саша, непонятно откуда взявшаяся тоска начала проедать эту сахарную благодать. Он пришёл поздно – уже неделю работал механиком в автосервисе по сдельной оплате, на другом конце Петербурга и с чудовищным графиком. Настя налила ему приготовленный ею сегодня суп и села напротив. Саша откусывал чёрный хлеб, затем, оставляя ломтик за левой щекой, звучно захлёбывал ложку с супом, засасывая ускользящую лапшу, и, едва жуя, проглатывал получившуюся кашу – повторял так одно за другим, ничего не меняя. С каждой съеденной им ложкой Настина тоскливость всё больше перерастала в раздражение. Она начала ссору непроизвольно:

– В следующий раз приготовь себе сам.

Саша опешил:

– Ну, спасибо. Мне нельзя суп есть?

– Я вообще-то тоже учусь, а не дома сижу. У тебя вчера был выходной, мог бы и приготовить.

– Ладно, приготовлю, я и так готовлю часто, нечего истерить. Мне это доесть можно?

– Ешь, – уже желала смягчить разговор, но обратной дороги не было – нельзя было признать себя виноватой.

Весь вечер они молчали.

– Ну признайся, ты ведь изменил мне тогда с Юлей, да? – спросила она, не в силах заснуть.

– Нет, я не изменял, уже тысячу раз тебе говорил.

Настя старалась обнаружить в его голосе вранье и злилась, ощущая, что вранья нет.

А через несколько дней Дима предложил поболевать за их хоккейную команду. Его предложение было ожидаемо для Насти, а желания отказываться от него не было. Это ещё не было серьёзным шагом, за которым следовала бы расплата, а – всё тем же пирожным, укусив которое однажды, уже было трудно остановиться.

У него был номер десять. Она говорила себе: «Дальше как получится, подойдёт после игры – не подойдёт, всё равно. Я болею за факультет». Пришла одна и села поближе ко льду, вдали от своих однокурсников во главе со старостой Таней, державшей в руках плакат: не прочитывая, но будто довольно хихикая в ответ на свои действия – создала все условия, чтобы никто не задавал ей лишних вопросов. Через некоторое время она даже закричала «Шайбу!», когда её факультет забил другой команде. А когда второй раз прокричала «Шайбу!», удивилась, что кричит кокетливо, по-женски – и что в этом виноват Дима, хотя он вряд ли услышал бы сейчас её крик.

Факультет выиграл со счетом 3:2. Настя медленно выходила со стадиона, потом стояла у входа, что-то просматривая в телефоне, пока сзади её не окликнул Дима:

– Настя! Привет!

– Поздравляю! Ты молодец, – сказала она, подойдя.

– Спасибо. Ребята хотят сходить в бар отметить, пойдёшь с нами?

Настя замаялась:

– Да, я тоже не очень хочу, к тому же не пью. Но можем по парку прогуляться.

– Можем немного, – сказала она, понимая, что вышло неестественно – её смущение лезло наружу. Как у вежливого гостя, отказывающегося присоединиться к обеду, хоть он и голоден как собака.

Парк находился в десяти минутах ходьбы от стадиона. Настя мельком взглядывала на Диму: пластичные движения и ровное, ничего не говорящее выражение лица.

– Ну что, едешь в лагерь? – спросил он.

– Не знаю, а ты?

– Если ты поедешь.

Настя подняла брови и слабенько усмехнулась. Возникшую паузу никто не торопился заполнить.

– Давно играешь в хоккей? – наконец спросила она. И Дима рассказал, что мечтал попасть в сборную с десяти лет, но теперь ему светит только карьера инженера.

– У тебя получится, – сказала Настя.

– А ты чего хочешь?

Настя замямлила, как всегда начиная объяснять с начала, со всеми деталями: как училась в классе гуманитарного профиля, изучая второй иностранный, французский, как мама заставила идти на инженера, а она хотела переводчиком, и теперь она не знает... И все сбивчиво, с ненужными подробностями. Дима её не прерывал, пока они не дошли до конца парка, где он остановился:

– Всё, пришли.

– Ну да, – ответила Настя.

– Пока, – легко поцеловал он её в губы, – я в бар забегу, нехорошо бросать парней, обидятся ещё.

Она не успела сказать «ладно», как он повернулся и ушёл, оставив её одну в конце парка.

По дороге обратно Настя улыбалась и пыталась скрыть свой дикий взгляд от окружающих, как будто всем им было до неё дело. Когда пришла домой, отпрянула от поцелуя Саши.

– Может, на этих выходных сходим куда-нибудь? – спросила энергично.

– Я уже договорился с Андрюхой, мы поедem к нему на дачу дом строить. Я просто подумал. Может, мы возьмём кредит, а? И будем строить свой дом.

– О Боже, Саша, какой кредит? И ты же не умеешь строить.

– Научусь – Андрюха будет меня учить.

– Кто такой Андрюха вообще?

– Я же говорил, это мой мастер, он дачу строит под Питером.

– Бесплатно, я так понимаю, ты собираешься работать у него.

– Настя, ну конечно, бесплатно, я же не умею ничего пока.

– Ты дурак, Саша. – Настя глубоко вздохнула и поникла, как вялый цветок. Её истощенный вид вызвал в Саше прилив нежности, и он мягко поцеловал её плечо.

– Я не хочу тебя, – сказала Настя, не отстраняясь от ласк.

– А я хочу, – ответил он и отбросил всю нежность. Пока Саша её раздевал, Настя стояла безучастно, словно ребёнок, которого мама переодевает после улицы. Когда уже до белья всё было снято, она скрестила руки на животе: «Я сегодня совсем не хочу». Он без какой-либо реакции на слова принялся настойчиво расправлять этот крест, словно это была просто игра.

– Я же сказала, не хочу, – огрызнулась она.

– Да когда ты вообще в последний раз хотела! – резко отошёл от неё и сел за компьютер.

Саша всё же уехал на выходных к Андрюхе на дачу. Настя извелась к этому времени и написала Диме сама:

«Как в баре отдохнули?»

«Скучно», – ответил он.

Дальше в ход пошло обсуждение общих знакомых, воспоминание школьных историй и скидывание любимых песен. И наконец Дима предложил посмотреть фильм.

«Если свободна, можно у меня в комнате – пацанов не будет».

«Хм... странное предложение».

«Я как друг предлагаю. И не настаиваю, конечно».

«Хорошо».

Когда Настя пришла к Диме в комнату, он был один – в шортах и футболке, непохожих на обычную потрепанную домашнюю одежду. Чистые полы и ремонт удивили её. Голубые свежие обои, синий тюль и чёрный плед на кровати вместо покрывала. На остальных двух соседских кроватях лежал казённый коричневый. На тумбочке бутылка вина и два бокала.

– Проходи, садись на кровать, на ней удобнее.

Настя переживала, точно ли они будут смотреть фильм, и если он захочет чего-то другого, что делать ей? Чувство вины раздваивалось в ней: первую половину она натягивала на Сашу, который всё делает не так; от второй же ей никак было не избавиться.

Дима сел рядом на диван, не прислоняясь близко и действительно включил заранее загруженный фильм. Ноутбук тоже был чистым – без пыли и разводов на экране. Странно, но чистоплотность в парне отзывалась в ней тревогой: «Чужак, чужак!» Он ловко открыл бутылку, разлил вино по бокалам, предложил шоколадку. Одновременно рассказывал про актёров и про другие картины, где они играли. Настя старалась понять, что происходит в фильме, но не могла никак втянуться. Лицо горело, как перед болезнью, и клонило в сон. Когда она пробудилась через пару минут, головой уже на его плече, ей показалось, что прошло полчаса; думая подняться, она поняла, что Димины руки вокруг её талии, и замерла. Дима, возможно,

ожидая, что она ещё спит, поцеловал её в лоб – Настя, не открывая глаз, потянулась за его губами, больше из вежливости, чем от желания, и через пару мгновений уже ощутила встречный поцелуй. Тут она услышала неестественный кашель – у входа в комнату стоял какой-то парень с серьёзным выражением лица.

– Я паспорт забыл, – сказал он и прошёл к одной из кроватей с коричневым покрывалом.

Дима с недовольным разочарованием хмыкнул.

– Я пойду, – сказала Настя, порываясь встать.

– Не-не-не, постой, он сейчас уйдёт, – обхватил Дима рукой её талию.

– Ухожу-ухожу, – заторопился сосед и, отыскав в тумбочке паспорт, вышел.

– Мне правда пора, – силой высвободилась Настя из объятий.

Дима не встал, чтобы проводить её до двери.

4

Для неё в тот вечер стало открытием, что желание рвать на себе волосы не метафора, а буквальное выражение состояния, когда кажется, что, только причинив себе травму, забудешь о случившемся сраме. Вернувшись к себе, Настя только подошла к зеркалу: на лице глубоко пропечаталась глупость, от которой стало невыносимо стыдно. И этот тягостный стыд подсказал ей безболезненное лекарство, чтобы забыться – уснуть.

Ей снилось, что она лежит с открытыми глазами, но не может встать – зовёт Сашу, но звук не выходит из неё; старается подняться, но тело не поддается ей. Саша сгорбленно сидит за компьютером, и у него дергаются ноги, словно он увлекся чем-то или торопится что-то доделать. Страшная мысль пришла ей в голову, и ещё раз она попыталась позвать его, но вышло только: «Са». Настя собралась

с силами, и прозвучало «Саша». Он повернулся – глаза, будто завешенные пеленой, и бледные губы. «Что с тобой?» – хрипло спросила она. «На кухне лежит», – ответил Саша. Я так и знала, он опять сошел с ума! Настя сделала ещё одно усилие, чтобы вынырнуть из вакуума между сном и реальностью, и проснулась – Саши в комнате не было. Прошло три часа с тех пор, как она легла.

После пробуждения легче не стало, разве что сердце переключило скорость. Немного подумав, Настя призналась себе, что чуяла и раньше самообман, но держалась его до последнего. А после сегодняшнего держаться уже нечего: никакая это не влюблённость, а всего лишь помутнение рассудка. Теперь она словно сошла с картины, в которую её затащило, и взглянула на неё со стороны, глазами зашедшего соседа. И картина оказалась мерзкой и пошлой. Но всё же это чувство давало возможность смотреть на вещи незамутненным взглядом. Она ясно видела, что потерялась, причем потерялась ещё очень давно. Но сложно было самой разделить все эти спутавшиеся за последнее время нитки и распределить их по своим клубкам. Первое, о чём Настя подумала, – поставить свечку за здоровье Саши, как она делала прежде, во время его болезни. И не для того, чтобы спасти его от рецидива – как бы она себя в этом ни убеждала – а для того, чтобы внести плату за интрижку с Димой. «А ещё лучше съездить к Ксении Петербуржской», – вспомнила она, что, когда ездила туда за свечками для Анны Петровны, ни разу не удосужилась отстоять очередь к иконе.

И то ли за помощью, то ли, наоборот, убегая от решения своей проблемы, Настя поехала в часовню прямо на следующий день. В метро старалась сосредоточиться и понять, с какими именно словами нужно обратиться к Ксении. Насильно воображала, будто Сашина болезнь

готовится захватить его, предупреждая о себе снами, как греющаяся на плите вода обещает вскоре закипеть. И в его скорой болезни виновата Настя. Ведь огонь, на котором готовится болезнь, мистическим образом зажётся от её связи с другим мужчиной. Но сегодня она отмолит это помешательство, и огонь погаснет.

От метро до Смоленского кладбища, на территории которого стояла часовня, пути было не больше, чем на полчаса. Уже дойдя до калитки, Настя долго не могла решиться зайти – заросшее кладбище с опускающимися вбок крестами чужеродно стояло у шумной проезжей части. К тому же внутри, за калиткой, не было видно ничего кроме надгробий и зарослей – ни часовни, ни куполов, ни даже людей. «А, может, есть еще какой-то вход?» – только подумала она, как в калитку зашла женщина в платке, и Настя, не решившись спросить, просто последовала за ней. Она так настроилась на трепет, что старалась пробуждать в себе внутреннее благоговение перед захоронениями, думая, что это могилы священников. И даже после того, как, взглянув на имена и фотографии на плитах, поняла, что это обычные люди, боялась прогнать трепет, чувствуя себя недостойной ставить себя выше кого бы то ни было.

Вид могильных плит всегда вызывал у неё одно и то же чувство – страх смерти родителей. А если всё же несчастный случай или болезнь, которые сгонят её в могилу раньше времени? Тогда не нужно будет переживать утрату, тогда горевать будут они – фантазировала о страшном Настя. Ещё её пугали искусственные цветы на могилах: они кричали своими яркими безжизненными пятнами, что после смерти только одно – смерть. Женщина в платке, за которой следовала Настя, сошла с тропинки и направилась к чьей-то могиле. Настя в нерешительности замедлила шаг, но всё-таки двинулась дальше, теперь уже одна.

На втором повороте вдруг показалась церковь и асфальтовая дорога с припаркованными автомобилями, ведущая к ней. Кладбище продолжалось и тут, окаймляя дорогу с обеих сторон, – по нему прожилками расходились тропы. Вдоль одной из троп, по правую сторону от дороги, тянулась к часовне очередь из нескольких десятков человек.

Настя остановилась в конце очереди. Она ожидала увидеть совсем другие лица – страдающие, заплаканные, не с этого мира – не такие, как в университете или на городских улицах. Но эти люди будто вышли из того же метро, что и она, только немного раньше. Вокруг располагалась старая часть кладбища, и некошенная высокая трава с необычными крестами свидетельствовала, что тот, кто когда-то навещал эти могилы, уже давно под другой землёй.

«1890–1932» – стояла дата на невысоком столбе, похожем больше на свечу с отпечатанной красной звездой на верхушке, чем на надгробную плиту.

– А видите, крест всё-таки над звездой нарисовали, – услышала Настя женский голос прямо за собой.

Она повернулась – молодая девушка с убранными в пучок выгоревшими русыми волосами и серыми глазами смотрела на неё и улыбалась. Настя сказала невнятно: «Ага», не понимая, что та имела в виду, и отвернулась. Еще раз взглянула на столб и действительно заметила на самой верхушке нарисованный краской бледный белый крест прямо над звездой.

– Ксения за всех нас молится и просит у Господа прощения, – опять заговорила девушка совсем не скованно для таких слов. – Она всем помогает.

Настя невольно покосилась в её сторону, прислушиваясь к тому, чем же помогает Ксения. Теперь она заметила у девушки южный загар со слезающей пленкой кожи на носу и на лбу.

– Вы здесь первый раз? – спросила та.

– Да.

– Вы, наверно, много слышали про чудеса Ксении?

– Да, – ответила Настя, но не могла сейчас вспомнить ни одной истории, хотя и наслушалась их порядочно за время проживания в Питере.

– Мне подруга рассказывала, как Ксения помогла её бабушке в военное время. – Девушка говорила вкрадчиво, взглядом выдавая свой восторг. – Она потеряла талончики, и, по-моему, за это чуть ли не расстрелять могли. – Глаза у неё редко-редко мигали. – Она оставила дома свою дочь, маму моей подруги, и побежала к Ксении с запиской.

Из часовни в этот момент вышла женщина с мальчиком лет шести, который держал в руке пышную ветку белых лилий. Настя невольно взглянула на него, когда он своим звонким голосом обратился к матери:

– Мам, кто-то игрушки забыл, – и показал на пластмассовую машинку у надгробия ребенка.

Та не ответила, и они пошли дальше. А девушка продолжала всё так же рассказывать:

– Когда она уже вернулась, дочь сказала, что приходила женщина и спрашивала, не они ли потеряли талончики, – и отдала те самые талоны. Когда бабушка расспросила про внешность женщины, она поняла, что это сама Ксения приходила. – Девушка широко улыбнулась.

Настя смущалась непривычным для неё воодушевлением своей собеседницы. И это ощущение вскоре сменилось досадой от того, что она такая, какая есть сейчас, а ведь могла бы быть как эта девушка. Счастливая? Нет, этого мало – истинно счастливая.

Вскоре подошла их очередь – они зашли в часовню и замолчали. Насте показалось, что девушка начала читать про себя молитву. И тогда она тоже решила собраться

и погрузиться в мысль о том, что она хочет и за что просит прощения. Поцеловав икону Ксении, ещё раз про себя быстро проговорила: «Сделай так, чтобы Саша не заболел, и попроси у Бога прощения за меня, я каюсь. И помоги, пожалуйста, разобраться в себе, не делать больше ошибок». Подошла к мощам, как и все, поцеловала слегка и вышла.

Простояв несколько минут у выхода, так и не дождав-шись новую знакомую, Настя поехала домой не попрощавшись...

Она стала ласковее к Саше, как бывала давным-давно, ещё в школьные годы, но уже не по-детсадовски, а изящно, по-женски.

– Ты у меня самый лучший, самый умный, самый добрый. – На следующее утро за завтраком Настя крепко обняла Сашу.

– Чё это ты, косякнула, что ли?

– Нет, я просто люблю тебя, – отвечала она, и Саша, растроганный, спустя минуту прошептал: «И я тебя». Собрал слева локон у её лица и еле ощутимо уложил за ухо. Когда последний раз она млела с ним так легко? И была ли у них в Питере ночь, когда он не делал что-то не так? Теперь всё было так, хотя не поменялось ничего: не следя, он зажимал локтем её волосы на подушке, не рассчитывая силу, хватал пальцами бедро или царапал щетиной её тонкую кожу. Может, и стоило повернуть эту интрижку хотя бы ради этой их второй весны, которая встречала их с утра тонким белым осенним светом. И этот бережный свет, она знала, никогда больше не сменится на пьянящее лунное сияние, от власти которого Настя отошла уже далеко. Она крепко чувствовала: всё связанное с Димой больше не повторится. Как в печь плеснули холодной воды – зашипели угли, и остыл жар. А Саша лежал рядом – румяный, с распухшими от поцелуев губами и порезом

от бритвы на гладкой щеке – боже мой, она ведь и забыла, что он так молод! Ему всего-то двадцать один, а она требует с него как со зрелого мужчины, а ведь взрослая жизнь у него ещё впереди. И она подождёт, она вырастит его...

А зимой в метро Настя увидела ту самую девушку, с которой познакомилась у Ксении – и обрадовалась. Через расстегнутую куртку у неё была видна та же голубая футболка в мелких катышках, в которой Настя видела её в сентябре. Настя хотела окликнуть её, но поняла, что даже не знает имени. Догнав девушку у эскалатора, она спросила:

– Привет, помнишь меня?

– Нет, – ответила та с тем же мягким и открытым взглядом, каким смотрела на Настю несколько месяцев назад.

– Мы разговаривали у Ксении Петербургской.

– Не могу вспомнить, – ответила девушка, продолжая разговор с Настей, как с близким человеком. – А я в торговый центр еду, тебе случайно не туда же?

– Нет, мне в другую сторону. Удачи тебе, пока, – попрощалась Настя и ушла в глупом смятении. А по дороге домой никак не могла объяснить себе, что за странная тревога проснулась в ней. Тревога, вызванная даже не беспамятством девушки, а её безоглядной готовностью начать знакомство заново.

5

Прошло ещё полгода, был конец июня. Настя поехала в родной город на день рождения сестры.

Дома всё жило по старым законам – казалось, пройдет ещё лет десять, но всё здесь останется прежним: те же слова, та же еда, те же привычки. Прирастёт только старость и наглухо забудёт сложившиеся устои. Даже

родившаяся внучка не пошатнула глубинных основ, а только влилась в сформированный порядок.

Отец приходил с работы и смотрел телевизор, мать приходила с работы и готовила ужин, а через пару часов появлялась Аня с дочкой.

– Телевизор сделай потише, ребёнок же спит, – шикала мать на отца, заходя в зал, а тот брал пульт и убавлял звук. А на следующий вечер снова начинал просмотр передач с повышения громкости, будто сам хотел, чтобы к нему подошли и наругали уже в который раз.

Только теперь Настя смотрела на это будто с другой стороны хоккейного стадиона, сидя с болельщиками команды противника. Отца не было жаль, а обида на мать оборачивалась сочувствием к её ежедневному непростому труду. Аня, так вкусно сюсюкающаяся со своей малышкой и так же искренне вскрикивающая: «Как же я задолбалась!», уже не очаровывала собой и не вызывала у Насти недоумения. И стремления быть любимой дочерью вроде не было тоже. И также не было стремления быть идеальной возлюбленной для Саши, который ждал её в Питере.

Саша звонил два раза: утром, только проснувшись, и вечером после работы. Он рассказывал, как прошёл у него день: у клиента из машины кто-то из механиков украл деньги, по дороге домой у обочины он видел мёртвую лисицу, – и о том, что Настя ему снится в голубом выпускном школьном платье. Настя не спрашивала подробностей, она с нетерпением ждала конца разговора, но всё же никогда не клала трубку первой. А Саша тянул молчание, надеясь, что она расскажет в ответ что-нибудь и про себя, но ответом было только её неизменное «всё так же». Ходя туда-сюда по комнате с телефоном, она случайно поймала своё отражение в зеркале. Как она похожа на мать! Строгое лицо, будто на нём навели поря-

док: каждый мускул выглажен, сложен и аккуратно положен на своё место.

Настя сама не заметила, когда возродившееся для них с Сашей счастье оставило после себя лишь отражение в кривом зеркале, обманув её уже в который раз. Как она, убежав в другую крайность, вся стала для него широкой материнской грудью, дающей тёплое молоко и безопасность, а Саша, в свою очередь, размяк и, как щенок, нежно и игриво ластился или, как баловень, безобидно огрызался. И стыд за помешательство на Диме сменился стыдом за свою детскую наивность. После Ксении она пустила ещё больше клубков в общую сеть, но уже не думала их распутывать – она готова была их разрезать садовыми ножницами.

День рождения сестры отмечали на даче Юры, её друга. Там было шесть человек: сестра с мужем, сам Юра, Настя и молодая пара. До того, как поехать в дом, решили искупаться в озере. День выдался удачным, безветренным. К тому же на берегу было чисто и безлюдно. Юра, как комар, зудел то с одной, то с другой стороны. Но Настя не отмахивалась от него. Он вёл себя нахально и глупо: «Есть ли парень?», «А сколько ему лет?», «А сколько он жмёт лёжа?» – приставал он, нескромно поигрывая мышцами. А Настя смотрела на ямочки на его бархатных, как у мальчишки, щеках.

Дача была двухэтажная, старенькая. Настя попросилась сразу лечь спать – напекло голову. Юра принёс ей постельное белье, так что в комнате наверху они остались вдвоём. Он потянул её за кисти. «Неужели я это делаю?» – промелькнуло у Насти в голове. Её удивило, что касался он как-то иначе, чем Саша. Эти новые и чужие касания шевелили в ней что-то неизвестное внутри неё. Настя улыбнулась с издёвкой и, словно что-то разглядывая, не отрывала глаз от его лица. Уже когда всё закончилось,

она заметила в правой части его улыбки серый безжизненный зуб.

«Иди», – сказала она просто, и он тут же вышел.

За окном росла одна безлистная берёза посреди шелестящих зелёными точками соседок – погнутая, с обглоданной корой. Настя вспомнила, как на точно такой же больной берёзе, у заброшенной стройки, в их первое с Сашей лето, на оголённой части он прорезал сердце и имя Настя внутри.